

ВОЕННЫЕ 1980
МЕМОУАРЫ 1988

С.М. Кислов

АФГАНИСТАН

Три командировки на войну

Сергей Михайлович Кислов
Афганистан. Три
командировки на войну
Серия «Военные мемуары (Вече)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27339961

Вече; 2017

ISBN 978-5-4444-9135-5

Аннотация

Воспоминания военного летчика С.М. Кислова рассказывают о боевых действиях в Афганистане. Автор описывает различные аспекты жизни советских войск на афганской земле, уделяет большое внимание военным операциям. Наряду с трагическими моментами боевой работы войск в книге описывается бытовая жизнь солдат, офицеров и их семей.

Содержание

Снова Афганистан	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Сергей Михайлович Кислов

Афганистан

Три командировки на войну

© Кислов С.М., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Снова Афганистан

Военный самолет Ан-12 мягко коснулся взлетно-посадочной полосы подмосковного аэродрома Кубинка, пробежал по ней и зарулил на стоянку. По трапу, поданному бортовым техником, из самолета на бетон аэродрома вышла группа офицеров из пяти человек и, о чем-то переговорив, пошли по направлению к высотному домику. Прибывшие были одеты в повседневную форму офицеров военно-воздушных сил, все имели воинское звание майор, все были примерно одного возраста.

У высотного домика офицеров ожидал армейский уазик, который доставил прибывших в штаб истребительной авиационной дивизии. Каждому из прибывших офицеров предстояло пройти собеседование с начальником политотдела дивизии о возможности дальнейшего прохождении службы в Республике Афганистан. После этого предстать перед членами партийной комиссии для вынесения ею окончательного вердикта.

С первыми тремя, вошедшими в кабинет начальника политотдела дивизии, разговор был коротким, и через десять минут они, покинув кабинет, коротко сообщили, что двоим из троих, предложили с двумя эскадрильями полка убыть в Республику Афганистан, а третьему предстояло остаться с третьей эскадрилей полка на аэродроме базирования в Со-

юзе.

С четвертым офицером разговор затянулся на более длительное время. Дело в том, что у него было трое детей, и он считался многодетным, а по установке командования многодетных офицеров, то есть тех, у кого было трое и более детей, в горячие точки направляли только с их письменного согласия. Евгений вышел из кабинета начальника политотдела с сияющим лицом и коротко бросил: «Еду!»

Дошла очередь и до пятого офицера. Пятым офицером, приглашенным на собеседование к начальнику политотдела авиационной дивизии, был я. Переступив порог кабинета и бросив руку к виску, представился:

– Товарищ полковник, майор Кислов по вашему приказанию прибыл!

– Что вы, Сергей Михайлович, о каком приказании вы говорите? Речь идет о стремлении коммуниста, политработника, долг которого заключается в оказании интернациональной помощи дружественному народу, определить свой выбор, свой долг коммуниста! – перебил меня начальник политотдела.

«Сейчас про Испанию что-нибудь вернет!» – пронеслось в мозгу. Точно, тут же последовали примеры о героическом самопожертвовании тех, кто ценой своей жизни оказывал интернациональную помощь испанскому народу в его героической борьбе с франкистами.

До чего же начальство любит устаревшие, дешевые стан-

дарты. Хоть бы личным примером показали, как надо исполнять интернациональный долг. Сами плотно прилипли к кабинетному креслу, изредка покидая его, чтобы дойти до столовой к тарелке с борщом, а для обучения подчиненных только примеры из истории приберегли.

Коротко отвечаю:

– Товарищ полковник, меня Родина уже дважды испытывала на прочность, направляя исполнять интернациональный долг в Афганистан! Долгов перед афганцами у меня больше нет!

Мое разъяснение дважды исполненного долга перед афганским народом подействовало как красная тряпка на быка на второго офицера, секретаря партийной комиссии политотдела дивизии, находящегося в кабинете с начальником политотдела. Явно выслуживаясь перед начальством, он, срываясь на крик, заявил: «Не надо представлять собой героя! У нас есть возможность направить вас для прохождения дальнейшей службы в такую дыру, что через десять лет, получив полковника, с ведром клюквы в зубах, приползете просить, чтобы направили вас в любой райцентр!»

Начальник политотдела не поддержал эмоционального высказывания секретаря партийной комиссии и предложил ему выйти в соседний кабинет для проведения заседания партийной комиссии, члены которой заждались начала заседания.

Когда мы остались одни, начальник политотдела предло-

жил мне присесть за стол напротив себя и доверительным голосом спросил: «Сергей, тебе известно, что произошло в Афганистане с твоим коллегой Сергеем Тетериным? Вы, кажется, вместе с ним учились в училище?»

С Сергеем Тетериным мы действительно вместе учились в училище, более того, в одной роте, и были товарищами. Учился Сергей без напряжения, в смысле, не напрягая мозговые извилины. До «неудов» не сваливался. его вполне устраивали удовлетворительные оценки, но товарищем он был надежным. Зимний семестр на третьем курсе училища был сложным по изучаемым предметам и требованиям к их знанию. Курсантов, получивших удовлетворительные оценки, на зимние каникулы не пускали, тем самым создавали стимул к учебе. Именно на тех, кто не поехал в отпуск по неуспеваемости, легла основная тяжесть несения службы в карауле и внутреннем наряде. Тетерин был из местных, из Кургана, поэтому в отпуск не стремился. Когда подавляющее большинство курсантов старались свои удовлетворительные и неудовлетворительные знания сдавать на «хорошо» и «отлично», то Серега свое право на отпуск уступал другим желающим уехать. У Сергея отец был «шишкой» областного масштаба и мог бы похлопотать за сына, но этого не было. Серега тащил курсантскую лямку в общем строю. Любил повеселиться и покуролесить.

Однажды, возвращаясь из города в училище, куда мы ходили, конечно, не спросив увольнительных записок, мы с Се-

регой несли со свадьбы товарища по две сетки водки и закуску из расчета на всех, кому семестр перебежал дорогу и поставил крест на зимних каникулах в кругу семьи. Товарищи должны были вернуться из караула, а мы им решили преподнести подарок.

Зима была в разгаре, снега навалило выше колен, возвращались из города после обеда, сетки с водкой и закуской были слишком лакомым подарком, чтобы тащить их через контрольно-пропускной пункт, где можно было «нарваться» на офицера, поэтому мы с Сергеем решили донести свой бесценный груз через забор. Забор вокруг училища был высотой метра два, но два метра для курсанта не высота, которую он бы не взял, возвращаясь из города с водкой. Однако не учли, что ветром снега под забор нанесло выше груди, а самое неприятное, когда мы залезли на забор с нашим бесценным грузом, нас увидел заместитель начальника училища полковник Терновой, гроза всех курсантов.

Спрыгнув с забора, мы утонули в снегу, но сетки из рук не выронили. Вынырнув из-под снега, поползли в сторону казармы, до которой было метров сто, не больше. С трудом пробираясь по глубокому снегу, мы не сразу увидели Прохора Константиновича Тернового, который, поджидал двух товарищей. Когда подняли глаза, поняли, что наш подвиг может закончиться арестом с отбыванием остатка отпуска на гауптвахте. До Тернового было метров двадцать. Среди курсантов Прохор Константинович Терновой проходил под име-

нем Прошка. Прошка поманил нас пальцем, мол, идите ко мне, но тут он явно нас не оценил. Развернувшись, рванули обратно. «Рванули» сказано сильно, мы поползли, но по проторенной колее ползти было легче. Прошка пытался нас преследовать, но, набрав в ботинки снег, вернулся обратно и решил перехватить нас с той стороны забора, откуда мы начали свой путь. И здесь Прохор Константинович допустил ошибку, не рассчитав свой рост. Полковничья папаха возвышалась над забором, и мы разгадали его хитрый маневр. Повернув обратно, мы опередили полковника и успели забежать в казарму, прежде чем он туда добрался.

За нашими маневрами наблюдали сотни курсантских глаз, поэтому на четвертый этаж казармы мы шли не на своих ногах, нас туда подняли на руках наши товарищи.

Обшарив три нижние этажа, полковник Терновой зашел к нам в роту. К тому времени бутылки с водкой были тщательно спрятаны, а мы, как положено, несли службу в наряде, я стоя у тумбочки, а Серега натирал полы «машкой», так мы называли полотер, сделанный из бревна метра полтора в длину, на котором были набиты щетки для натирания полов, и крепилась палка, с помощью которой курсант общался с «машкой», натирая полы.

Осмотр казармы ничего не дал. Прошка никогда бы не догадался, что курсанты военно-политического училища надежно замаскировали водочные бутылки в Ленинской комнате под огромным стендом «Выполняя заветы Ильича».

Вечером, после караула, несостоявшиеся отпускники «откушав» водочки, говорили в наш с Серегой адрес, хорошие слова. Мы помалкивали, но было приятно слушать похвалу друзей.

Потом нас с Сергеем Тетериным свела судьба в истребительной дивизии, где занимали равнозначные должности, но в разных полках.

В Афганистан Сергей был направлен за год до моей третьей командировки. Там он, напившись в «дым», устроил стрельбу в спальном помещении и обругал какого-то московского высокого начальника, обозвав штабным педерастом. В штабе дивизии говорили об этом шепотом.

Слышал, что в Афганистане за эту «грязную» историю, Сергея исключили из партии и откомандировали в Союз. Интересоваться подробностями истории, произошедшей с Сергеем, я не стал, так как никогда не копался в грязном белье сослуживцев, тем более своих товарищей, но утвердительно кивнул, мол, знаю.

Начальник политотдела, глядя мне в глаза, и, как он выразился: «Как коммунист коммунисту», – поведал, что за некачественный отбор офицеров-политработников для направления в командировку в Афганистан ему объявили выговор по партийной линии.

Мне стало понятно, почему к политработникам, которых планируют направить в Афганистан, такое пристальное внимание, собеседование, обсуждение кандидатур на партийной

комиссии. Боятся, очень боятся, за свои шкуры! А вдруг кто-нибудь, как Серега, выкинет «номер», и тогда прощай теплое место, можно и самому загреметь на войну. Хитрая вещь – партийно-политическая работа! С одной стороны, надо убедить человека совершить во благо высокой цели поступок, но форма убеждения порой прикрывает жалкую и мелочную сущность человека, который пытается тебя убедить совершить этот поступок. На душе стало мерзко. Если доверяет, то мог бы сказать об этом прямо и откровенно. С другой стороны, я понимал, что в данном случае легче принять коллективное решение о направлении офицеров в горячую точку. При возникновении нестандартной ситуации, как в случае с Сергеем, можно всегда сказать, что решение принимал коллективный орган партийной организации, а не персонально он, руководитель. За коллективные ошибки наша система наказания не предусматривает!

А начальник политотдела продолжал: «Нам хорошо известно, что тебя дважды направляли в Афганистан, из партийных характеристик известно, что свой долг ты выполнял добросовестно, в боях проявил мужество, умело действуя в сложной обстановке, руководил эвакуацией экипажей, сбитых при выполнении боевых задач, командуя парашютно-десантной группой поисково-спасательной службы. У тебя опыт работы в боевых условиях, которого нет у других офицеров твоего звена. Ты не подведешь!»

«Говорит, как на похоронах, провожая в последний

путь», – пронеслось в голове.

«Сейчас подключит главный калибр и начнет запугивать, что меня ждет в случае отказа от предложения ехать на войну. До этого разговор допускать нельзя, а то действительно “влепят” выговор с формулировкой “за трусость”, потом доказывай, что это не так!»

«Нам хорошо известно, что у тебя недавно родилась дочь, но мы не оставим твою семью, будем помогать жене и дочери. Партия в тебя верит. Предлагаю тебе самостоятельно решить вопрос о добровольной отправке в Афганистан!»

Это был последний и самый весомый аргумент начальника политотдела, который потом приступил к действиям, предложив написать рапорт о добровольном волеизъявлении для выполнения интернационального долга.

Под диктовку начальника политотдела аккуратно я вывел на листе бумаги: «Прошу оказать мне высокое доверие и направить в Республику Афганистан для выполнения интернационального долга. Как офицер обязуюсь исполнять долг до последнего дыхания, как коммунист – до последней капли крови!»

Официальная часть была закончена, и начальник политотдела вместе со мной перешел в кабинет, где заседали члены партийной комиссии.

Заседание партийной комиссии больше напоминало расстрельную комиссию военного трибунала.

Краем глаза увидел, как секретарь партийной комиссии

перед собой на стол положил две папки. На одной успел прочитать: «Персональное дело», фамилия и инициалы были прикрыты другой папкой, на которой красивым почерком было выведено: «Партийные характеристики членов КПСС».

Представив меня членам партийной комиссии и зачитав стандартно написанную характеристику, спросил, есть ли ко мне вопросы.

На стандартное предложение последовал стандартный вопрос. Кто-то попросил рассказать о себе.

Какой-то детский сад. Надо научиться писать характеристики так, чтобы не было идиотских вопросов и просьб рассказать о себе.

Коротко рассказал свою биографию. Закончить рассказ не успел, вмешался начальник политотдела дивизии. Он громко зачитал мой рапорт, показывая всем свое умение убеждать «заблудших овечек», и члены партийной комиссии утвердили мою кандидатуру для направления в Афганистан, как бы поставив подпись под командировочным предписанием о направлении на войну. Мой рапорт о добровольном направлении в Афганистан секретарь партийной комиссии вложил в папку с надписью: «Партийные характеристики членов КПСС». В противном случае могли бы рассмотреть персональное дело, за такими вояками, как эти, дело не станет!

«Домой» нас доставил тот же самолет, Ан-12, на котором прилетали в штаб дивизии. Монотонно гудел двигатель, а у

меня в голове колом засел вопрос: «Расскажите о себе». Что хотели услышать?

Детство прошло в военных гарнизонах. Детские воспоминания запомнились строгостью отца, старого служаки, для которого служебный долг был выше радости домашнего очага, постоянными переездами из одного военного гарнизона в другой, недолгой остановкой в последнем месте службы отца, городе Дебрецене, на востоке Венгрии.

Память о городе Дебрецене с детских лет сохранилась на всю жизнь. Особенно запомнилась предновогодняя суета и красота оформленных витрин магазинов, а также радость ежегодного празднования горожанами праздника цветов.

Военный городок, где проживали семьи советских офицеров, находился в черте города, и в дни, когда горожане готовились к встрече католического Рождества. В период новогодней суеты после школьных уроков любил уходить в город, где бродил по его улицам, любясь красиво оформленными витринами магазинов, а в душе было ощущение, как будто попал в сказочную страну с ее картинной красотой и ожиданием чего-то интересного и неизвестного.

Завораживала сама людская суета. Люди спешили совершить покупки в магазинах, радовались приобретенным подаркам, забегали в малюсенькие кафе или отделы в магазинах, где можно выпить чашечку кофе и полюбоваться совершенной покупкой или поделиться своей радостью с друзьями. Язык, на котором общались между собой люди, был

непонятен, но эмоции людей были видны по их лицам. Без знания языка эта предпраздничная суэта вызывала еще больший интерес и поднимала настроение.

Ощущения предпраздничной новогодней суеты остались на всю жизнь, поэтому с годами страсть хождения в предновогоднее время по городу, где приходилось бывать перед новогодними праздниками, особая атмосфера магазинов, где люди покупали своим близким и друзьям подарки, передавалась мне, поднимая настроение, вселяла страсть и интерес к жизни.

Праздник цветов жители города Дебрецена отмечали в середине августа. На городском стадионе проходило праздничное шествие колонн, украшенных цветами. Это шествие можно сравнить с военным парадом войск на Красной площади, только вместо строгих шеренг военнослужащих, проходящих торжественным маршем, и боевой техники, по стадиону шли люди, одиночные, маленькими и большими группами, небольшими колоннами, проходила автомобильная техника, только не с оружием, а украшенная цветами, изображая эпизоды из исторической жизни страны, сцены из народных сказок, достижения в области цветоводства. Это шествие поражало своей необычной фантазией и яркими цветами, тем, что на протяжении всего парада цветов на трибунах люди сидели замороженные увиденной красотой, сопровождая аплодисментами и восторженными криками, проходящих по дорожке стадиона людей.

Школьные годы запомнились дымом горелой листвы в осенние месяцы и первой любовью.

В военном гарнизоне каждую субботу проводили парко-хозяйственный день. В этот же день солдаты убрали территорию военного городка. Осенью опавшие листья собирали в большие кучи и сжигали, а ветерок разносил запах сожженной листвы по воздуху.

Выходя из здания школы, вдыхал запах горевшей листвы, смотрел на пожелтевшую листву деревьев, и настроение поднималось само собой. Впереди ждал выходной день с его бездельем, спортивные площадки, на которых проводили с друзьями все свободное время, рыбалка, куда часто с друзьями ходили по выходным.

Проходили годы, менялись военные гарнизоны, где приходилось служить, но ритм жизни любого военного городка оставался неизменным, и каждую субботу, возвращаясь со службы, я вдыхал знакомый с детства запах горелой листвы, и настроение поднималось само собой, напоминая детские годы.

Первая любовь пришла в десятом классе. В конце декабря классная дама, Климова Лилиана Павловна, ввела за руку в класс девчонку с каштановыми косами и представила: «Ребята, в наш класс приехала новая ученица, Пономарева Тамара».

Я взглянул в озера карих Тamarкиных глаз и утонул в их чарующей глубине, забыв обо всем на свете! Через пять лет,

обучаясь на последнем курсе военного училища, из забывтья вывели слова Тамары: «Сергей! Я выхожу замуж!»

Эти слова я услышал спустя пять лет со дня нашей первой встречи с Тамарой, а пока была любовь и мечта поступить в Рязанское высшее воздушно-десантное командное военное училище.

С мечтой о поступлении в Рязанское высшее воздушно-десантное командное военное училище скоро пришлось расстаться, так как при подготовке к соревнованиям по вольной борьбе пришлось активно сбросить вес, что привело к повышению артериального давления. Вердикт врачей о запрете поступления в командное училище вверг меня в шок. Но с мечтой связать свою жизнь с армией расстаться не смог и выбрал для поступления военно-политическое училище, где требования при поступлении к состоянию здоровья были не такие высокие, как в командные военные училища.

Вступительные экзамены в военные училища военнотружущие и выпускники школ Южной группы войск, кто подал документы для поступления в военные училища, сдавали на территории Венгрии, в маленьком городке с красивым названием, Эстергом, бывшей столицей Венгрии.

Подготовка к вступительным экзаменам в военное училище много времени не занимала. Большую часть времени бродили с бывшими выпускниками школ по городу, проявляя интерес к истории города, его достопримечательностям, заходили в маленькие уличные кафе, где покупали морожен-

ное и венгерский лимонад «Бамби».

Все вступительные экзамены в военное училище сдал на «отлично» и с блеском прошел собеседование на мандатной комиссии.

На прощание, провожая меня учиться в военное училище, отец сказал: «Служи, сын, честно! На службу не напрашивайся, от службы не увиливай!» Этот отцовский наказ я пронес через всю службу, и сейчас руководствуюсь им в жизни.

Учеба в Курганском высшем военном военно-политическом училище равномерно катилась по руслу, проторенному курсантами предыдущих трех выпусков. Наш набор в училище был четвертым.

С первых дней учебы поразила теплота и заботливость, которую проявляли о нас, зеленых юнцах, курсанты старших курсов. В памяти остались два случая, сыгравшие воспитательную роль моего характера. Оба случая были связаны с братьями Феокистовыми, старшим братом Юрием, и младшим, Александром. Оба случая произошли на первом курсе при прохождении курса молодого бойца.

Однажды, проходя мимо курилки, где сидели курсанты старшего курса, вернувшиеся после стажировки из войск, я услышал окрик: «Эй, парень! Подойди ко мне!»

Я понял, что обращаются ко мне, так как вокруг никого не было. Я зашел в курилку, где сидели старшекурсники и представился.

Симпатичный брюнет поинтересовался, почему я хро-

маю, а когда услышал, что хромаю по причине того, что натер ногу, попросил снять сапог и размотать портянку. Нога была покрыта липкими кровавыми волдырями.

«С такими ногами много не повоюешь!» – сказал старшекурсник и показал, как правильно наматывать портянку. Отпустил меня только после того, как я несколько раз повторил урок, каждый раз наматывая портянку на ногу и заново надевая сапог. Уходил из курилки старшекурсников с благодарностью, ногам действительно стало легче.

С его братом, Александром Феоктистовым, познакомился несколько раньше, Александр был заместителем командира взвода, где я проходил курс молодого бойца.

Однажды, после завтрака, когда взвод строился для занятий, к заместителю командира взвода сержанту Феоктистову подошел дежурный по столовой и попросил выделить несколько человек для мытья посуды.

Феоктистов оглядел строй и скомандовал: «Первые десять человек первой шеренги выйти из строя!»

Так я впервые попал в команду мойщиков посуды. Работа неприятная и грязная. Грязную после приема пищи посуду приносили из столовой и загружали в емкости с горячей водой. Чтобы отмыть посуду от жира в горячую воду добавляли горчичный порошок.

После мытья посуды я долго отмывал руки под краном, стирая мылом и песком жир, застывший на коже рук после мытья посуды. Даже после тщательного мытья рук, они изда-

вали тошнотворный запах жира, от которого кружилась голова.

При построении после обеда, я стал во вторую шеренгу, надеясь остаться незамеченным. Не угадал и попал в команду мойщиков посуды второй раз.

После ужина забился в последнюю шеренгу и даже присел, когда вызвали «желающих» отличиться при мойке посуды. Попал на кухню в третий раз. Пытался объяснить, что уже дважды совершал за день «подвиг» по мытью посуды, но получил четкое разъяснение, что дисциплинированный курсант должен помнить свое место в строю, а не болтаться из шеренги в шеренгу, как дерьмо в проруби.

Снова мойка с горячей водой и горчичным порошком, снова грязная посуда, снова мытье жирных рук под краном с мылом и песком, снова тошнотворный запах от рук. Но был и положительный момент, с того дня я четко знал свое место в строю! Так воспитывался характер будущего офицера!

Потом была армия, как говорится: «Аты-баты!»

Окончив военное училище и получив вместе с дипломом об окончании военного училища и лейтенантскими погонями назначение убыть для прохождения службы в Туркестанский военный округ, не знал и никогда не слышал о городе со странным названием Кизил-Арват. Когда сообщил о полученном предписании ехать служить в Кизил-Арват дежурной по этажу гостиницы, которая находилась в военном городке при штабе авиации Туркестанского военного округа,

женщина горестно вздохнула и сказала: «Храни, тебя, Господь, лейтенантик!»

Город Кизил-Арват встретил пустынным привокзальным перроном, по которому ветер гонял куст верблюжьей колючки.

В штабе авиации Краснознаменного Туркестанского военного округа узнал, что Кизил-Арват, город, районный центр, Красноводской области, Туркменской ССР. Располагается у подножья горного хребта Копет-Дага. Железнодорожная станция в 219 км северо-западнее от Ашхабада. В городе проживает двадцать две тысячи жителей. Из предприятий в городе имеются вагоностроительный и масломолочный заводы, ковровая фабрика. Город вырос в связи со строительством железной дороги Ташкент – Красноводск (конец XIX века), стал городом с 1935 года. С юга – Иран, рукой подать до Афганистана, с востока – Узбекистан. На краю знойной пустыни, чахлой и скупой, раскаленной, как сковорода. С запада – задыхающийся Каспий. Воды нет. Летом воздух раскалялся до шестидесяти градусов. Ветер поднимал клубы пыли, а когда задувал «афганец», сильный ветер, то жизнь в городе замирала, пыль проникала даже в помещения через плотно закрытые окна и двери. Жизнь превращалась в ад!

Служба в Туркестане с его ужасными климатическими условиями закалила, а отсутствие опеки со стороны командования приучило принимать самостоятельные решения при реализации служебных вопросов. Формула была проста, оце-

нил ситуацию, принял решение, реализовал его. Если ошибешься в оценке или неправильно реализуешь принятое решение, то придется отвечать за ошибку. Это формирует и воспитывает характер офицера, приучает к самостоятельности.

Особенность службы в Кизил-Арвате следует рассматривать, как закон выживания в пустыне. Хочешь жить, барахтайся, выживай, не хочешь жить, молча, жди конец жизни.

Некоторые спивались, ожидая, когда уволят из армии, но большинство стремились выжить. Я относился ко второй категории людей.

Вместе с молодыми офицерами в подвале казармы построили спортзал, где оборудовали ринг и татами. Несколько раз в неделю находили время для занятий спортом.

Прошли врачебно-летную комиссию и получили допуск для прыжков с парашютом. Прыгали редко, но каждый прыжок доставлял удовольствие и массу положительных эмоций.

Приходилось несколько раз вылетать на места катастроф самолетов, но это случалось редко, и вопрос об эвакуации, как таковой, не стоял. Там надо было «докопаться» до причин катастрофы.

Все это заставило задуматься над вопросом оказания помощи при возникновении экстремальной ситуации. Ознакомившись с опытом организации спасения экипажей, сбитых во Вьетнаме, обсуждали свои предложения. Они были очень

примитивными. В Советском Союзе службу поиска и спасения экипажей использовали только при поиске экипажей космических кораблей, которые приземлялись в степи Казахстана. При поиске и эвакуации экипажей космических кораблей, которые, как правило, приземлялись в степях Казахстана, экипажи вертолетов чествовались, как герои, а герои имели все, от досрочных воинских званий и государственных наград до благ, на которые можно было рассчитывать в эпоху развитого социализма.

Со времен войны в Корее Советский Союз не участвовал в боевых действиях, где можно было бы отработать вопросы эвакуации экипажей, сбитых при ведении боевых действий или произведших вынужденную посадку.

С первых дней службы пришлось столкнуться с некоторыми особенностями службы в авиации.

С первых дней создания авиации, в отличие от любого вида сухопутных войск, первой фигурой являлся летчик, вторую графу занимали штурманы, затем шло звено инженерно-технического состава, к которым относились механики, техники, инженеры. К нижнему сословию относились части наземного обеспечения, куда входили подразделения связи и тыла.

Летный состав, или пилоты, «пилотяги», как их называли во все времена, безусловно, относятся к основной группе воздушных рабочих войны. Все задачи, поставленные перед авиацией, связанные с ведением воздушных боев, авиацион-

ной разведкой, нанесением ракетно-бомбовых ударов, перевозкой грузов, техники, личного состава выполняются летным составом. При ведении боевых действий основной процент погибших также приходится на летный состав.

Штурманы также относятся к летно-подъемному составу, на них возлагались задачи по выполнению полетных заданий, в том числе, прокладки маршрутов полетов, расчет координат для нанесения ракетно-бомбовых ударов, определение боекомплекта для «работы» по заданным целям, расчет времени и маршрутов захода на цель, и другие задачи.

Отдельные штурманы любят перефразировать слова из Указов Петра I, сказанные в адрес штурманов, якобы штурман – натура хамская, до баб и драк охочее, но дело свое зело знают и разумеют. А посему, за знание наук хитростных, математики и навигации, в кают-компанию допускать, кормить и поить отменно, чаркой водки и жалованьем не обносить, не то они драку и дебош учинить горазды.

Приписывать слова Великого Петра в отношении штурманов авиации нельзя, так как профессия штурмана в авиации появилась в тридцатых годах, двадцатого столетия, в период создания первых советских бомбардировщиков ТБ-3. Оставим слова Великого Петра штурманам флота, нехорошо «примазываться» к чужой славе!

Механики, техники и инженеры самый многочисленный состав военно-воздушных сил. Именно от них зависят все технические вопросы подготовки авиатехники к полетам,

именно об их работе говорят, что успех в воздухе куется на земле. Сами о себе они с иронией говорят: «Вечно в масле и тавоте, но зато в воздушном флоте!»

Связисты считают себя интеллигенцией военно-воздушных сил, как бы кастой, избранной богом, но когда случались сбои в системе связи, а сбои бывали частыми, о связистах с иронией говорили: «И в мирное время, и в годы войны нас всегда подводила только связь! В авиации бесперебойной связь бывает только половая!»

Низшее звено в авиационном табеле о рангах занимает тыл, или работники аэродромно-технического обеспечения, на которых выпала самая тяжелая, самая трудная и неблагоприятная работа.

Как повелось испокон века считать, что тыл «дело воровское, а по сему, им жалованье мизерное назначать, и вешать по одному в год, дабы другим не повадно было», такое же мнение бытует и по сей день.

Правда, «тыловики» не обижаются и, с иронией защищая себя, приговаривают, что если, летчик, не дай Бог, катапультируется над тайгой и останется там с куском мяса, то умрет от голода, если в тайге не будет шеф-повара и официантки! Одновременно и за безопасность полетов ратуют, и себя в обиду не дают. Надо честно признать, что ни один работник тыла в авиации от голода не умер, поэтому с ними лучше дружить, а не ссориться!

Мне пришлось начинать службу с тылового подразделе-

ния, поэтому хорошо известно, кому доставались белые булочки, а кому черные сухари.

Политработников в армии не любили, но боялись. В авиации политработников тоже не жаловали, и тоже боялись. Можно было сорвать командирскую или инженерную подготовку, за это могли поругать, даже погрозить пальцем. Но мне не приходилось слышать, чтобы срывали политинформацию или политзанятия. Это грозило партийным взысканием со всеми вытекающими последствиями, вплоть до обвинения в политической близорукости, а это серьезное обвинение. При проведении политучебы утвержденный график выполнялся в полном объеме.

Но авторитет политработника базировался не на его принадлежности к политическому олимпу, а, как правило, на знании им людей и техники и умении эти знания применять на практике.

Это мне пришлось испытать на себе буквально через две недели после прибытия в часть для прохождения службы после окончания военного училища.

Молодого лейтенанта в составе автомобильной колонны направили на запасной аэродром Кизил-Атрек, который находился в 248 километрах от Кизил-Арвата в сторону границы с Ираном.

Перед отъездом узнал, что Кизил-Атрек, поселок городского типа, центр Кизил-Атрекского района, Туркменской ССР. Расположен на правом берегу реки Атрек, в 248 км

к юго-западу от железнодорожной станции Кизил-Арват, на линии Мары – Краснодарск, с которой связан автомобильной дорогой, железная дорога через Кизил-Атрек не проходит. Каких-либо промышленных предприятий в городе нет. В городе имеется опытная станция субтропических культур. Именно слово субтропических культур меня смутило. Я подумал, что там обилие зелени и различных насаждений, но выяснилось, что субтропики бывают сухими, где деревья и растительность прорастают только при обильном поливе водой. Воды и дождей в Кизил-Атреке не было, вернее, дожди были, но редко.

Перед отъездом в Кизил-Атрек начальник автомобильной службы части Владимир Глебов, проводя инструктаж старших машин, поинтересовался, взял ли я с собой запасную полевую фуражку. Когда я ему объяснил, что на вещевом складе мне выдали только одну полевую фуражку, он с сожалением заметил, что надо бы фуражку покрепче привязать к голове, чтобы ее не украли обезьяны в Кизил-Атреке, которые живут там круглый год на пальмах.

Всю дорогу меня мучила мысль, как сохранить фуражку и не дать ее в лапы коварных обезьян.

Только по прибытии в Кизил-Атрек я оценил шутку, когда увидел, что там не только обезьян, но и деревьев не было. Под палящим солнцем находились склады с горючим и бомбами, автопарк, несколько опечатанных казарм для размещения личного состава в случае военных действий на южной

границе, и ни одного деревца, голая пустыня.

На следующий день, прибыв на запасной аэродром, я понял, что взлетно-посадочная полоса не пригодна для приема самолетов при высокой температуре. Видно, при строительстве аэродрома большая часть гравия и битума ушли на нужды обустройства быта отдельных представителей местного населения и садовых дорожек в садах местных богатеев. Наверное, сдавали аэродром для эксплуатации в зимний период, когда битум не прилипал к обуви, а покрытие аэродрома могло выдержать посадку самолета.

О том, что аэродром не готов принять эскадрилью самолетов, доложил командиру части. Тот покрутил головой и с хитрой усмешкой предложил доложить командующему авиацией ТуркВО генерал-лейтенанту Алексею Анастасовичу Микояну.

Командующий авиацией ТуркВО в окружении офицеров стоял на стоянке для самолетов. Выслушав мой доклад, он спросил, почему аэродром не может принять самолеты и как я определил плотность взлетно-посадочной полосы.

Объяснил, что на практических занятиях в военном училище по курсу аэродромов, аэродромных сооружений и специальных аэродромных машин преподаватель подполковник Шаблинский объяснял, что при отсутствии динамического плотномера грунтов плотность аэродромного покрытия определяется ударом каблука хромового сапога о поверхность аэродромного грунтового или асфальтового покры-

тия. Объясняя способ определения плотности грунта, ударил каблуком сапога о покрытие стоянки самолетов и вогнал его на всю глубину.

Алексей Анастасович обернулся к группе сопровождавших его офицеров и, найдя взглядом начальника аэродромной службы тыла авиации ТуркВО, спросил прав ли лейтенант.

Тот стал объяснять, что для определения плотности грунта используется плотномер грунтов динамический, но командующий перебил его и попросил этим прибором замерить плотность покрытия места стоянки самолетов. Прибора не оказалась, вопрос был исчерпан.

После этого Алексей Анастасович спросил, какое училище я окончил и как давно. Услышав, что я окончил Курганское высшее военно-политическое авиационное училище, удивился, что выпускники военно-политического училища имеют запас специальных знаний по аэродромной службе, которого нет у офицеров, окончивших военные училища по специальности, связанной с эксплуатацией аэродромов и специальных аэродромных сооружений. Еще большее удивление у него вызвал мой ответ, что в части я служу всего две недели после окончания военного училища. Алексей Анастасович снял с руки свои часы и протянул мне: «Носи эти часы, лейтенант. Ты их честно заработал!» Потом обернулся к командиру части и сказал, чтобы не забыл занести в мою служебную карточку благодарность от командующего

авиацией ТуркВО за добросовестное исполнения служебных обязанностей при проведении военных учений, и награждение ценным подарком.

Запись о благодарности и награждении ценным подарком в служебную карточку никто не внес, но отношение ко мне офицеров заметно изменилось.

Этот эпизод для меня не прошел бесследно. Отныне командир части постоянно включал меня в число офицеров передовой команды или автомобильной колонны, которая следовала в район учений.

Спрос в командировках тоже был повышенный. Если кто-то за ошибки «отдельвался» замечанием, то мне приходилось отвечать по полной форме, постоянно поясняя каждый свой шаг. С другой стороны, командир части передал свой опыт руководства автомобильными колоннами в боевых условиях, который он приобрел при проведении военной операции по вводу войск на территорию Чехословакии в 1968 году. Опыт, переданный командиром части, часто выручал меня в процессе службы, а впоследствии в Афганистане.

Ан-12 приземлился, подрулил к высотному домику на аэродроме и, высадив у встречающего нас автобуса, не отключая двигатели, развернулся и, взлетев, взял курс на свой аэродром.

Жена, услышав о моей предстоящей третьей командировке в Афганистан, проявила исключительное мужество

и хладнокровие, а меня долго точил червячок сомнения и страха. Мне хорошо было известно, как некоторые возвращались из Афганистана, чтобы навеки обнять родную землю. Это не первые месяцы после ввода войск, афганцы воевать научились! Но решение принято и надо приступать к его реализации.

На следующий день меня и Александра Сукманова, прошедшего Афганистан, в качестве авиационного наводчика, пригласил в кабинет командир полка полковник Жуковин Анатолий Александрович и попросил провести ряд бесед с теми, кому предстояло убыть в Афганистан впервые, и составить список всего, что нам потребуется в быту, при выполнении боевых задач. Через два часа список был готов. Список получился длинный, листов на десять. К командиру пошли вместе. Анатолий Александрович усадил меня и Александра за стол, показывая, что разговор будет долгим.

Командир полка внимательно прочитал написанный нами список необходимых вещей в длительной командировке и удивленно поднял на меня глаза, неужели все, что указано в списке, нам действительно потребуется в Афганистане. Оглядев меня удивленным взглядом, с иронией спросил: «Сергей Михайлович! Зачем в командировке мужику нужны двадцать пять трусов, сорок пар носков? Или вот, скажи мне, зачем с собой брать туалетную бумагу, если есть газеты? Одним словом, по многим пунктам списка хотелось бы получить аргументированное объяснение!»

Пришлось, набравшись терпения, объяснить человеку, никогда не убывавшему в длительные командировки, тем более, на войну, все объяснить аргументированно и популярно.

Прежде всего, для перебазирования полка предоставлялись транспортные самолеты. Количество самолетов должны заказывать мы, исходя из потребностей. То есть, есть возможность взять с собой не минимум вещей, как в туристический поход, а то количество, которое потребуется в быту каждому офицеру и прапорщику для автономного проживания, тем более при выполнении боевых задач.

Например, запас нижнего белья каждый убывающий должен рассчитать исходя из своих потребностей, продолжительности их повседневного ношения, отношения к личной гигиене, наконец, собственной лени. Есть анекдот из серии женских анекдотов, когда на выставке-продаже женского нижнего белья корреспондент задает выходящей из павильона даме вопрос: «Мадам, вам понравилась выставка?» Та отвечает: «Очень!» – «Что вы на ней приобрели?» – спрашивает корреспондент. «Женские трусики». – «В каком количестве?» – «Комплект женская неделька, семь штук. Понедельник, вторник, среда...» – «Спасибо, мадам!»

Подходит ко второй женщине. «Мадам, вам понравилась выставка?» Та отвечает: «Очень!» – «Что вы на ней приобрели?» – спрашивает корреспондент. «Женские трусики». – «В каком количестве?» «В каком количестве? Двенадцать штук!» – «Почему двенадцать?» – «Январь, февраль,

март...»

В продолжительности времени ношения нижнего белья мужики мало чем отличаются от женщин, но стирку белья у мужчин можно разделить на три периода. Первый период, раз в неделю. Второй период, раз в месяц, третий период, никогда не стирает белье, он его выбрасывает. Поэтому следует учитывать все обстоятельства и особенности характера, а заодно после построения врачом полка проводить раз в неделю медицинские осмотры на вопрос вшивости, или педикулеза. В боевой обстановке вши имеют тенденцию устраивать жильё в нижнем белье.

С аргументами в защиту нижнего белья командир согласился и попросил продолжить отвечать по другим вопросам из представленного списка.

С носками было проще. Когда ему назвал третью стадию носки носков, при которой можно снять носки, не снимая ботинок, командир согласился, что носки в мужском туалете необходимы так же, как нижнее белье.

Количество туалетной бумаги обосновать было еще легче. В то время в Советском Союзе была самая читающая публика. Армия, являясь сколком общества, тоже была причастна к чтению газет и журналов. Газетой, на которую не надо было подписываться, была «окопная правда», или печатный орган Туркестанского Краснознаменного военного округа газета «Фрунзовец». Именно к этой газете больше всего подходили слова одного из главных героев романа Булгакова «Со-

бачье сердце» профессора Преображенского, когда он не рекомендовал читать газеты во время приема пищи. Эти слова можно было бы расширить и добавить, что эту газету не рекомендовалось брать с собой в туалет. Но именно эту газету рекомендовало политическое управление Туркестанского военного округа для чтения военнослужащим. Затрудняюсь сказать, читали или нет военнослужащие окопную правду Туркестанского военного округа, но в безвыходных ситуациях ее иногда использовали для туалетных нужд. Вернее, она шла на туалетные нужды, но иногда ее можно было использовать для чтения. Но при напечатании этой газеты использовали такую бумагу и типографскую краску, которую не воспринимал даже солдатский зад, точнее, он ее отталкивал. Уж лучше для туалетных нужд использовать наждачную бумагу. Сравнение печатной и наждачной бумаги было принято командиром, и пункт с туалетной бумагой прошел на «ура».

Объяснять приходилось каждый пункт, зачем необходима кухонная посуда, если в городке имеется офицерская столовая, зачем нужны холодильники, стоит ли брать банные венники и какое количество их необходимо заготовить. Разговор затянулся до позднего вечера.

В заключение командир сказал, что он надеется на нас и верит, что мы вдвоем возложим на себя всю подготовку к решению бытовых вопросов.

«Вы нужны нам, мужики! Вы прошли Афганистан, про-

чувствовали войну на своей шкуре». Обращаясь к Саше Сукманову, сказал: «Ты получил ранение и контузию. Ты знаешь штабную работу. На тебя ляжет вся ответственность за организацию караульной службы и дисциплины среди военнослужащих. А на тебя, – кивнул в мою сторону, – возлагается дополнительная задача по оказанию помощи начальнику парашютно-десантной службы в подготовке парашютно-десантных групп в организации поиска и спасения экипажей, сбитых при выполнении боевых задач, и постарайся сделать так, чтобы офицеры поверили в себя. У каждого из нас есть внутренний резерв и опыт выполнения нанесения ракетно-бомбовых ударов. Мы должны выполнить все задачи, поставленные перед полком, и все вернуться домой живыми!» – заключил Анатолий Александрович.

Я понял, что в Афганистан ехать надо обязательно, какими бы тяжелыми ни были условия быта и выполнения поставленных задач, постараться выжить и вернуться к семьям. Надо подготовить офицеров и прапорщиков к тем условиям, в которых придется выполнять боевые задачи. Надо, чтобы каждый уяснил, что именно от него будет зависеть успех выполнения всех поставленных задач.

Еще я твердо знал, что парашютно-десантные группы поискового спасения надо готовить тщательно и основательно, предусмотреть все ситуации, которые могут возникнуть, потому что никто, кроме нас, не поможет пилотам, нашим товарищам, выжить в экстремальных условиях!

Кроме меня, эту задачу никто не выполнит, специалистов, имеющих опыт работы в боевой обстановке, не было.

Надо успеть постараться сделать все возможное и уложиться в тот лимит времени, который нам предоставила жизнь.

Полк перебазировали в Азербайджан, на один из горных аэродромов, для совершенствования навыков полетов в условиях горной местности. Мы с командой остались для решения бытовых задач, которые встанут перед нами через полгода, когда предстоит реально «работать» в боевых условиях и совершенствовать свои навыки в вопросах выживания в экстремальных условиях, совершенствовать парашютно-десантную подготовку, повышать навыки в стрельбе.

Готовились основательно, совмещая тренировки с хозяйственными задачами, направленными на проживание в условиях Афганистана. Подготовили все, что было запланировано, даже успели заготовить веники для бани. Одних березовых веников заготовили несколько тысяч штук. Как они нас выручали в условиях войны в жарком климате Афганистана!

Вопросы слетанности экипажей и их действий при нанесении ракетно-бомбовых ударов отрабатывались во время повседневной работы полка в соответствии со штатным расписанием. Но в условиях проживания личного состава в условиях Афганистана, где нет семей и семейного уюта, где полковые будни не заканчивались с окончанием полетов, где люди должны были научиться проживать в коллективе на

протяжении длительного периода времени, надо было продумать все до мелочей.

На повестку дня вставали вопросы, как будут жить люди в быту в условиях ведения полком боевых действий длительный период времени, при этом так строить взаимоотношения друг с другом, чтобы избежать конфликтов в коллективе на бытовой почве. Надо было заранее продумать особенности работы с людьми при наличии в полку боевых потерь.

Эта трудная и значимая работа полностью легла на плечи работников политотдела.

Для решения этой задачи вышли на связь с полком, который дислоцировался на аэродроме в Шинданде, и на замену которого должен прилететь наш полк. В то время на аэродроме Шинданд дислоцировался полк истребителей-бомбардировщиков из Чирчика, который прислал нам план всех модулей, где проживал личный состав.

Началась кропотливая работа, в ходе которой решалось, кто и с кем будет проживать вместе в комнатах модулей. Требовалось знать характер и привычки каждого офицера и прапорщика полка, чтобы при совместном проживании между ними не возникали конфликты на бытовой почве, потому что эти разногласия и конфликты могли отразиться на выполнении боевых задач.

Ко времени перелета полка в Афганистан каждый офицер и прапорщик знали, где, с кем, в какой комнате они будут жить, знали привычки и наклонности друг друга, были

знакомы семьями. Именно психологическая совместимость людей при выполнении боевых задач влияет на их результативность в работе. Старались просчитать поведение каждого члена полкового коллектива, его поведения и реакцию в ситуации, когда полк понесет боевые потери. В этом случае поддержка друг друга обязательна, каждый должен чувствовать плечо товарища.

Такой подход положительно сказался на жизни коллектива при выполнении боевых задач в условиях Афганистана. Не было ни одного конфликта на бытовой почве, люди чувствовали ответственность друг за друга, помогали и поддерживали друг друга, делили поровну радость и горе.

Надо сказать прямо, что учет психологической совместимости летных экипажей и инженерно-технического состава при подготовке к боевым действиям в моей практике партийно-политической работы проводился впервые, и он оказался оправданным. Но эта форма работы возникла не на пустом месте, проводилась не с нуля. Впервые эта работа, вернее, попытка этой работы была проведена в 1982 году работниками политотдела 181-го отдельного вертолетного полка перед проведением операции в ущелье Панджшер. Но там обращалось внимание только на работу по психологической совместимости летных экипажей вертолетов.

При подготовке к третьей командировке в Афганистан, опыт работы в период второй афганской командировки по психологической совместимости экипажей при выполнении

боевых задач в вертолетном полку, пригодился. Его использовали и расширили. В работе по психологической совместимости личного состава при выполнении боевых задач учитывались не только летные экипажи, но и технический состав полка. Причем работа с инженерно-техническим составом по этому вопросу оказалась более трудной и иногда давала отклонения от желаемого результата. В целом в полку был создан здоровый коллектив готовый по своим, техническим знаниям, боевым, морально-деловым и политическим качествам выполнить поставленные перед полком истребителей-бомбардировщиков боевые задачи. Это показала жизнь. Это показала война.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.